

Н. А. Пробст

**ВОПРОСИТЕЛЬНО-ПОБУДИТЕЛЬНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ САТИРИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА)**

На материале сатирических произведений Н. В. Гоголя, А. Аверченко, И. Ильфа и Е. Петрова рассматривается функциональная специфика микрополя вопросительно-побудительной модальности в художественном тексте. Устанавливается структурно-содержательное соотношение вопроса и побуждения в данном микрополе. Выявляются и характеризуются наиболее регулярные средства реализации его частных значений.

The satirical works of N. V. Gogol, A. Averchenko, and I. Ilf and Ye. Petrov help consider the specific functional features of the microfield of interrogative and imperative modality in the artistic text. The structural and content relationship of the question and the exhortation in this microfield is established. The most regular means of its partial realization are revealed and characterized.

tively imperative modality in a literary text. The author establishes the structure-content correlation of the question and imperative within the given microfield and identifies the most regular means of expression of its specific meanings.

Ключевые слова: модальность, вопросительно-побудительная модальность, микрополе, вопрос, побуждение, художественный текст, сатирические произведения.

Key words: modality, interrogative imperative modality, microfield, question, directive, literary text, satirical works.

Пространство художественного текста, как известно, представляет собой сложное, «пронизанное субъективностью и антропоцентрическими установками» [1, с. 194] языковое образование. Среди функционально-семантических категорий, формирующих его смысловую и структурную целостность, одной из наиболее важных является модальность.

В художественных текстах находит отражение все многообразие структурно-содержательных компонентов данной категории, в число которых входит микрополе (или межполевая зона) вопросительно-побудительной модальности [5]. Характер функционирования структурно-содержательных конститuentов указанного микрополя в значительной степени определяется жанровой принадлежностью текста. Примером тому могут служить сатирические произведения, авторы которых концентрируют свое внимание на наиболее злободневных проблемах политической, бытовой и культурной жизни страны, пользуясь «в своей великой и очистительной работе... многообразными средствами» [4, с. 6]. К числу таких средств относятся ресурсы живой разговорной речи, в рамках которой проявляется в том числе и вопросительно-побудительная модальность, имеющая отчетливо выраженную прагматико-коммуникативную направленность.

В данной статье материалом для анализа стали примеры из сатирических текстов Н.В. Гоголя, А. Аверченко, И. Ильфа и Е. Петрова. Богатство и разнообразие представленных в произведениях этих писателей коммуникативных ситуаций, в пределах которых находит свое отражение интересующий нас структурно-содержательный компонент модальности, позволяет получить информацию о его функционально-семантической специфике.

Как известно, по своей языковой природе вопрос как таковой уже имманентно содержит сему побуждения, так как в вопросительных предложениях наличествует, во-первых, желание говорящего что-то узнать от собеседника и, во-вторых, побудить его ответить на обращенный к нему вопрос. Таким образом, «провоцирование» адресата вопроса на ответную коммуникативную реакцию с целью выяснения определенного положения дел в существующей действительности уже, в принципе, является своеобразным директивным актом. Более того, в некоторых случаях вопросительные предложения могут выступать в роли побудительных [2; 6–8]. Однако в качестве конструкций, входя-

щих в микрополе вопросительно-побудительной модальности, могут рассматриваться, на наш взгляд, лишь те, в сигнификативном содержании которых побудительная интенция говорящего эксплицируется с высокой степенью интенсивности. Соответственно, те вопросительные предложения, где данная семантическая составляющая не обладает необходимой в достаточной мере выраженностью, находятся за пределами рассматриваемого нами модального компонента. При этом следует отметить, что в некоторых случаях для того чтобы выявить побудительную интенцию высказывания и определить ее силу, необходимо особенно тщательно исследовать контекст, в рамках которого употребляется данное высказывание.

14

В силу императивной направленности исследуемого модального конституента мы считаем возможным рассматривать его содержательный план через призму функциональной типологии побудительной модальности. Одним из наиболее представленных видов побуждения в исследуемых произведениях являются конструкции суггестивного типа — советы и рекомендации. В предложениях первого типа реализуется установка говорящего на то, что совершить некоторое действие — полезно и правильно для слушающего. Ср.: *«Почему вам не взять псевдоним еще получше? Например, Долгорукий!»* [11, с. 213] («Двенадцать стульев»); *«Вы бы посоветовались с кем-нибудь, а?»* [9, с. 29] («Поэт»). В конструкциях же, относящихся ко второму, указанная особенность не находит столь явного выражения — данный тип не маркирован ни по признаку вероятности, ни по признаку мотивированности, ни по полезности каузируемого действия [3]. В ситуации относительного коммуникативного равенства говорящего и слушающего адресату сообщения, по сути, предоставляется максимальная волеизъявления («хочешь — принимай, не хочешь — не принимай»). Например: *«Он втиснулся в шеренгу продавцов, торговавших на развале, выставил вперед астролябию и серьезным голосом стал кричать: "Кому астролябию? Дешево продается астролябия!"*» [11, с. 30] («Двенадцать стульев»); *«"Может, возьмем гада?" — спросил Остап»* [11, с. 334] («Золотой теленок»); *«Итак, я бы желал знать, можете ли вы мне таковых, не живых в действительности, но живых относительно законной формы, передать, уступить, или как вам заблагорассудится лучше?»* [10, с. 418] («Мертвые души»); *«Ну хочешь об заклад, что вылью?»* [10, с. 447] («Мертвые души»); *«Не согласились бы вы отужинать вместе с нами — конечно, где-нибудь в приличном месте?»* [9, с. 224] («Веселый вечер»). Как правило, адресант сообщения, содержащего рекомендацию, имеет своей целью предложить адресату взаимовыгодное (или имеющее видимость такового) соглашение: различного рода обмен (как, например, ситуации покупки мертвых душ у Гоголя), некоторое совместное действие и т.п. В ряде случаев рекомендации являются выражением доброй воли говорящего, предлагающего своему собеседнику некую услугу. Например: *«"Может быть, вы хотите еще компоту?" — растрогалась гадалка»* [11, с. 68] («Двенадцать стульев»); *«Иван Иванович если попотчевает вас табаком, то всегда наперед лизнет языком крышку табакерки, потом щелкнет по ней пальцем и, поднеши, скажет, если вы с ним знакомы: "Смею ли просить, государь мой, об одолжении?"*, если же не знако-

мы, то "Смею просить, государь мой, не имея чести знать чина, имени и отчества, об одолжении?"» [10, с. 268] («Как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»); «Очень мило с вашей стороны, что заехали. Чашечку чаю?» [9, с. 292] («Четверг»).

Значительное место среди общего корпуса вопросительно-побудительных конструкций, представленных в рассматриваемых произведениях, занимают предложения реквестивного типа, то есть просьбы, прошения и т.д. На наш взгляд, именно эта роль, логически вытекающая из сигнификативной специфики вопросительно-побудительной модальности, является для последней одной из наиболее приоритетных. Высказывания данного типа можно условно разделить на три вида:

1. Побуждение адресата к согласию на какое-либо действие со стороны адресанта сообщения: «Вы позволите [пойти] с вами, любезнейший Виктор Михайлович?» [11, с. 101] («Двенадцать стульев»); «"Прикажете, Демьян Демьянович, читать другое?" – прервал секретарь, уже несколько минут как окончивший чтение» [10, с. 284] («Как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»); «А завтра уплатить можно?» [9, с. 172] («Быт»).

2. Побуждение адресата к действию или коммуникативному акту: «А вы, Виктор Михайлович, простите, но не зайдете ли вы через полчаса?» [11, с. 101] («Двенадцать стульев»); «Не могли бы вы указать нам некоторые достопримечательности?» [11, с. 573] («Золотой теленок»); «Уступите-ка их мне, Настасья Петровна?» [10, с. 433] («Мертвые души»); «Ну, разрешите, ну, пожалуйста. ... Я тихий. Разрешите? Можно жить?» [9, с. 86] («Хлопотливая нация»); «Кстати, ты не можешь одолжить мне пятьдесят рублей?» [9, с. 185] («Одиннадцать слонов»).

3. Побуждение адресата к определенной коммуникативной реакции: «"Скажите, где здесь можно видеть товарища завхоза?" – вымолвил Остап, прорвавшись в первую же паузу» [11, с. 46] («Двенадцать стульев»); «"А позвольте все-таки узнать, чем обязан?" – спросил хозяин, с интересом глядя на гостя» [11, с. 72] («Двенадцать стульев»); «А вот изволь-ка рассказать, что ты там делал?» [10, с. 310] («Нос»); «Ну, теперь скажи ты нам, какие бывают дроби?» [9, с. 194] («Бельмесов»). В таких конструкциях за счет побудительного компонента (глагол в форме повелительного наклонения) сема побуждения выражена более четко, чем в обычном вопросе, что позволяет, на наш взгляд, включать такие предложения в число вопросительно-побудительных.

Отдельного комментария заслуживают высказывания, на контекстно-смысловом уровне близкие прескриптивным конструкциям, к числу которых, как известно, относятся такие формы побуждения, как приказ, распоряжение, разрешение, запрещение, инструкция, предписание, угроза. Несмотря на то что функциональная ориентация указанных директивных форм не является приоритетной для вопросительно-побудительной модальности, ряд конструкций, входящих в данное модальное образование, по своему семантическому характеру сложно отнести к каким-то другим побудительным типам. Например: «Я, кажется, тысячу раз говорил, чтобы обязательно узнавали, кто звонит?» [9, с. 180] («Алло!»). Исходя из контекстного окружения приведенного предло-

жения, его смысл достаточно точно можно передать с помощью директивного высказывания типа: «Обязательно узнавайте, кто мне звонит — сколько об этом напоминать!». При этом вопросительная форма, в которую облечен указанный смысл, не служит показателем предоставляемой адресату сообщения свободы волеизъявления — необходимого содержательного элемента реквестивных или суггестивных конструкций. Таким образом, сложно относить подобные высказывания к советам, просьбам или рекомендациям, но вполне оправданно — к конструкциям прескриптивного типа. Подобного рода вопросительно-побудительные предложения также обладают отличительным свойством, общим для всех конструкций (репрезентантов вопросительно-побудительной межполевой зоны): побуждение независимо от своей иллокутивной силы не выражено в них напрямую. Это можно проследить и на других примерах: «Товарищ Корейко! Где же цифровые данные о задолженности нам коммунотдела? Товарищ Польшаев срочно требует» [11, с. 400] («Золотой теленок») — по сути, приказание немедленно предоставить определенные документы начальству; «Вы лучше скажите, будете служить или нет? Последний раз спрашиваю» [11, с. 427] («Золотой теленок») — категоричное требование подчинения; «Сударыня, куда вы лезете с вашим тайным притоном разврата?!» [9, с. 177] («Рассказ о колоколе») — запретительное высказывание, призванное пресечь нежелательную деятельность адресата.

В рамках данной статьи мы лишь в общих чертах рассмотрели функционально-семантическую специфику вопросительно-побудительной модальности. Очевидно, что для составления более полной и подробной картины ее реализации в тексте требуется широкое привлечение языкового материала из художественных текстов во всем их жанрово-стилистическом разнообразии. Дальнейшие исследования в этой области позволят выявить и структурировать все содержательные и формальные особенности вопросительно-побудительной модальности, а значит, более глубоко раскрыть сущность языкового феномена, который представляет собой категория модальности.

Список литературы

1. Бабенко Л. Г., Васильев И. Е., Казарин Ю. Б. Лингвистический анализ художественного текста. Екатеринбург, 2000.
2. Валимова Г. В. Функциональные типы предложений в современном русском языке. Ростов н/Д, 1967.
3. Демидова И. А. Средства выражения побудительной модальности в русском и английском языках (на материале газет) : дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2005.
4. Плоткин Л. А. О путях развития русской сатиры // Русская сатира XIX — начала XX в. М. ; Л., 1960. С. 3 — 37.
5. Пробст Н. А. Вопросительно-побудительная межполевая зона в публицистическом тексте // Стратегии исследования языковых единиц. Тверь, 2012. С. 17 — 19.
6. Рагозина Е. В. Модальность вопросительных предложений в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2008.

7. *Русская грамматика* : в 2 т. М., 1980. Т. 2.
8. *Федорова Л. В.* Структура и модальная семантика несобственно-вопросительных предложений : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.
9. *Аверченко А.* Избранные рассказы. М., 1985.
10. *Гоголь Н. В.* Избранные произведения. СПб., 1998.
11. *Ильф И., Петров Е.* Двенадцать стульев. Золотой теленок. М., 2007.

Об авторе

Никита Артурович Пробст – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: mr.shadov@mail.ru

About the author

Nikita Probst, PhD student, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: mr.shadov@mail.ru